

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ЭЛЕМЕНТ ИМИДЖЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены основные трактовки понятия «мягкая сила» и особенности ее использования как элемента имиджевых технологий во внутренней и внешней политике. Дана оценка роли soft power в реализации либерального и социалистического идеологических мегапроектов в мировой истории, в противостоянии США и СССР в период холодной войны, в реализации технологий «цветных революций» в постсоветский период.

Ключевые слова: «мягкая сила» в политике, имиджевые технологии в политике, идеологические мегапроекты, «цветные революции», внешняя политика России.

«Soft Power» as an Element of Image Technologies Used in Home and Foreign Policy

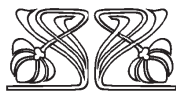
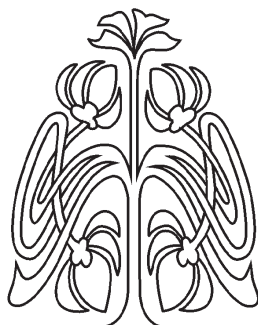
A. A. Vilkov

The article examines main interpretations of the term «soft power» and intricacies of its usage as an element of image technologies in domestic and foreign policy. The author estimates the role of soft power within realization of liberal and socialistic megaprojects of world history, confrontation between the USA and USSR during the «cold war», implementation of «colored revolution» technologies in post-soviet period.

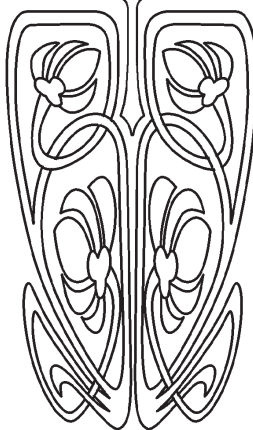
Key words: «soft power» in politics, image technologies in politics, ideological megaprojects, «colored revolutions», Russian foreign policy.

Одной из самых актуальных и социально значимых проблем современности является соотношение внутренней и внешней политики национальных государств в условиях глобализации. После поражения СССР в холодной войне американский политолог Дж. С. Най обосновал целесообразность и перспективность использования soft power в мировой политике. Несмотря на некоторые нюансы с переводом данного понятия, наибольшее распространение получила его трактовка как «мягкой силы», в том числе и в изданной на русском языке книге¹.

По мнению О. Ф. Русаковой, концепт soft power – это нечто сложное, обладающее «многослойной смысловой структурой, многозначностью и интерпретативным разнообразием», которое исследователи наделяют новыми смыслами, «вписывая в тот или иной предметно-исследовательский и методологический контекст»². Однако большинство исследователей сходятся в том, что главный «смысл “soft power” заключается в формировании привлекательной власти, то есть в способности влиять на поведение людей, опосредованно, заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не сделали»³. Фактически суть данной трактовки сводится к созданию привлекательного имиджа власти, социально-политического строя, совокупности идеологических ценностей и принципов, политических институтов, образа жизни в целом какого-либо государства (или социально-политической системы) для информационного воздействия на какую-либо страну с целью формирования в ней группы активных сторонников данных ценностей, готовых к борьбе за их внедрение в собственной стране.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

На наш взгляд, стремление представить такую политику как нечто принципиально новое и самодостаточное, обусловленное переходом к постиндустриальному информационному обществу не вполне оправдано. На самом деле понятие soft power, активно используемое последние два десятилетия политиками и исследователями, своим реальным содержанием уходит корнями глубоко в историю. Сочетание «кнута и пряника» во внешней и внутренней политике использовалось многими правителями всех времен и народов. Соотношение этих двух начал и технологии их использования в политике прекрасно описал Н. Макиавелли в своем всемирно известном трактате «Государь». Наполеон позиционировал себя как «освободитель Европы», подкрепляя данный имидж достаточно прогрессивными реформами во многих завоеванных странах. Даже Гитлер стремился использовать на завоеванных территориях образ освободителя народов СССР от «ига еврейского большевизма».

Своеобразные модели soft power использовали многие правители средневековой Европы, которые после разрушительных войн и массовых эпидемий практиковали «перезыбы» поданных из соседних государств, привлекая их всевозможными льготами для обустройства на новом месте. Такую политику, например, активно использовала Екатерина II, в результате чего в малонаселенном Поволжье и некоторых других регионах России возникли многочисленные поселения немецких колонистов.

Первым масштабным политическим мегапроектом использования soft power можно считать США, которые успешно эксплуатировали положительный образ своей страны для привлечения потоков иммигрантов из самых разных стран. Одним из идеологов формирования такого образа в XIX в. стал А. де Токвиль, который в своем труде «О демократии в Америке» подробно описал все преимущества республиканского демократического устройства в США по сравнению с другими странами. «Американская мечта» стала для многих жителей старого континента главным мотивом переселения в Новый свет, чтобы в условиях максимальной свободы рыночных отношений и частной собственности попытаться реализовать ее на практике. Кроме того, данный проект сыграл не последнюю роль в разрушении абсолютистских монархий и распространении конституционализма и демократических начал в Европе и других странах.

Не менее масштабной альтернативой стала социалистическая модель общественно-политического и социально-экономического устройства, которая должна была продемонстрировать всему капиталистическому миру и народам развивающихся стран преимущества нового строя. По сути, сама идея коммунизма была нацелена на осознание пролетариатом разных стран прогрессивности уничтожения частной собствен-

ности и внедрения плановых начал в обобществленное производство. Именно осознанная сила этих идей должна была консолидировать сторонников социализма в ведущих капиталистических странах и обеспечить их победу во всемирном масштабе. Несмотря на то что в России победили сторонники радикального варианта социал-демократии, уверенные в том, что возможно лишь вооруженное свержение существующего капиталистического строя, идеологическая борьба на международной арене стала для них одним из важнейших направлений деятельности в противостоянии двух мировых систем.

Сама концепция СССР, основывающаяся на возможности построения социализма в отдельно взятой стране, в значительной степени представляла собой своеобразный вариант soft power. Обоснование готовности поддержать развитие мировой революции сопровождалось формированием положительного образа первого в мире социалистического государства, которое, «вопреки проискам внутренних и внешних врагов», добивается невиданных успехов в экономической, социальной и культурной сферах. Этот положительный образ должен был вселять уверенность и оптимизм в те силы, которые вели борьбу за социализм в капиталистических и развивающихся странах.

Ее случайно, что разработчики советской военной доктрины в предвоенный период исходили из идеологически обоснованного тезиса «войны на чужой территории малой кровью». Доктрина основывалась на том, что в случае нападения империалистов на СССР пролетариат в этих странах встанет на защиту первого в мире социалистического государства, прокладывающего дорогу в «светлое будущее всего человечества» без эксплуатации, насилия и социальной несправедливости. Поэтому И. В. Сталин уделял такое большое внимание западным журналистам и писателям, которые после организации им поездки для ознакомления с положением дел в Стране Советов смогли рассказать всему миру свое видение достижений социалистического строя.

Антагонистическая борьба мегапроектов социализма и капитализма, в том числе и на уровне символических образов, составляла основу противостояния двух блоков в период холодной войны. В это время тактика soft power фактически была одним из главных средств идеологического противоборства США и их союзников и возглавляемого СССР социалистического лагеря. С учетом наличия «железного занавеса» возможности сторон для пропаганды своих преимуществ были достаточно ограниченными. Союзники США использовали поддержку диссидентских движений и самиздат, и различные «радиоголоса», которые разоблачали тоталитарный советский строй и расписывали прелести западного свободного мира и его образа жизни. СССР мог использо-

вать в качестве свидетельств своих достижений в экономике науке, культуре, образовании неоспоримые факты своего первенства в освоении космоса, мирного и военного атома, в строительстве гигантских предприятий, электростанций и оросительных каналов.

Однако после того как СССР при Н. С. Хрущеве фактически включился в потребительскую гонку с западным миром, качественные и модные импортные товары, допущенные на отечественные прилавки, стали тем «вирусом», который исподволь подтачивал официальную трактовку превосходства социалистического планового хозяйствования. Западные фильмы, попадавшие в этот период в кинопрокат в достаточно большом количестве, также формировали определенное представление о материальных и иных преимуществах западного образа жизни (например о возможностях свободно перемещаться по всему миру). Внедрение этих потребительских стандартов и индивидуалистических ценностей и стало одной из главных причин поражения СССР и его союзников в холодной войне.

Провозглашенный «конец истории» в результате «окончательной» победы либеральной доктрины общественно-политического и социально-экономического устройства стал главной методологической предпосылкой формулирования концепции *soft power*. Кроме того, именно в начале 1990-х гг., информационная революция обрела свое практическое технологическое воплощение в виде Всемирной сети и повсеместно используемой мобильной связи.

Устранение без применения силы с мировой арены своего основного политического, экономического, военного и идеологического конкурента заставило американцев поверить в исключительную эффективность *soft power* в достижении своих внешнеполитических целей. Поэтому, несмотря на наличие мощных вооруженных сил (сдерживать которые в 1990-е гг. у России, как правопреемницы СССР, не было ни желания, ни возможности), на первый план американской внешней политики вышла стратегия «мягкой силы» как экономически и идеологически более выгодная. Она стала использоваться как «притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.»⁴.

Это вовсе не означает, что США и их союзники отказались от использования военной силы в достижении своих целей. Война в Ираке, в Югославии, в Афганистане, военное вмешательство в Ливии, во многие другие локальные конфликты свидетельствуют, что «железный кулак» США и НАТО, основанный на технологическом преимуществе, может быть использован в любое время и в любой точке земного шара, независимо от решения ООН и норм международного права.

Для поддержания своих вооруженных сил США постоянно наращивают военный бюджет. Если в 2000 г. он составлял 294,363 млрд долл., то, в 2011 г., по предварительным оценкам, он составил уже 768,217 млрд долл. Для сравнения, военный бюджет Китая и России, по данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, в 2010 г. составил 114,300 млрд долл. и 52,586 млрд долл. соответственно⁵.

Поэтому вряд ли оправдана несколько односторонняя трактовка *soft power*, в соответствии с которой основные причины ее повсеместного использования заключаются в особенностях постиндустриального информационного общества, к которому переходит большая часть западноевропейских государств. По мнению С. В. Новоселова, в таком обществе «управление через прямое подавление, насилие теряет свою эффективность. Снижается значение и такого инструмента, как подкуп, взятки, широко используемые властью в индустриальном обществе. Командно-приказная система управления постепенно отмирает, потому что невозможно командовать миллионами материально обеспеченных, высокообразованных, хорошо информированных и прекрасно сознающих свою самоценность интеллигентов, ученых, инженеров»⁶. Как представляется, это лишь одна сторона медали, объясняющая повышение роли информационно-коммуникационных технологий и усиление их функциональности в управлении общественными процессами. Обратная сторона заключается в том, что высокие информационные технологии создают гораздо больше возможностей для изощренного манипулирования массовым сознанием, делают их более незаметными для рядовых граждан, а следовательно, и более эффективными.

Важнейшим направлением внешней политики США и их союзников, нацеленным на изменение политической конфигурации мира в постсоветский период, стала организация и поддержка так называемых цветных революций. По мнению Е. Г. Пономаревой, ключевым элементом технологии таких революций является именно стратегия использования *soft power*. В значительной степени она реализуется посредством предоставления услуг высшего образования и развития наук, «в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов – теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства»⁷. В результате США и страны НАТО получают подготовленную «пятую колонну» в составе образованной части общества тех стран, в которых реализуется стратегия «цветных» революций. Она необходима для того, чтобы подготовить необходимую социальную базу и социокультурные предпосылки для революционных преобразований.

По мнению исследователей, любая социальная революция сопровождается переворотом в

символическом восприятии окружающего мира в его историческом, настоящем и будущем измерениях. Алгоритм этого переворота реализуется по такой примерной схеме: «1) происходит смена сакральной зоны: общество снимает защиту со своих прошлых богов – разворачивается критика, которая расчищает место для новых богов; 2) новая сакральность воплощается в точном отборе символов – происходит смена названий городов, улиц, замена памятников; 3) как результат предыдущих этапов – смена зоны агрессии: общество меняет иерархию в системе «друг – враг»; 4) старые тексты теряют свою актуальность; производится большое количество идеологических текстов, призванных обосновать смену политических декораций; 5) на политическую сцену выходят специалисты вербального плана – журналисты, писатели, ученые; 6) символические процессы, кажущиеся неуправляемыми, на самом деле четко направлены к определенной цели»⁸.

Эта цель, как показывает опыт большинства «цветных» революций на постсоветском пространстве (в Грузии, Киргизии, Украине), а в определенной степени и опыт «арабской весны» (Тунис, Египет, Йемен, массовые протесты во многих других арабских странах), состоит в свержении правительства, которое в своей политике не отвечает (или перестало отвечать) в чьей-либо интересам США и их союзников.

При этом существует достаточно серьезный риск, что в результате революционного переворота к власти придут политические силы, которые в своей деятельности не захотят ориентироваться на интересы США и их союзников. Но даже в этом случае стратегическая задача-минимум «цветной» революции оказывается достигнутой – негодное правительство оказывается свергнутым, в стране чаще всего наступает постреволюционный хаос и обострение внутренних проблем общества, а следовательно, минимизирована реальная или воображаемая угроза американским геополитическим интересам. Гражданские войны в Ливии, Сирии показывают, что если у оппозиции в «стране-изгое» недостаточно сил для свержения действующего правительства, то ей может быть оказана не только информационная, но и финансовая, материальная, организационная и иная поддержка, вплоть до вооруженной интервенции силами натовской коалиции.

Вторая война США в Ираке, которая началась в 2003 г., стала наглядным примером соотнесения «кнута и пряника», жесткой и мягкой силы в отношении «стран-изгоев». Решив задачу свержения режима С. Хуссейна, американцы использовали масштабную программу «строительства гражданского общества» в оккупированном Ираке. Вот как характеризует ее один из руководителей реализации данной программы: «И вот мы снова оказались на войне по образцу вьетнамской. Недостаточно было просто уби-

вать людей и сравнивать с землей их деревни. Мы должны были завоевывать сердца тех, кто остался жив, заставлять их принять демократию и стать нашими союзниками. Мы должны были одержать победу, не усмирив Ирак при помощи нашего оружия, а только тогда, когда страна станет достаточно стабильной, чтобы существовать без нашей поддержки. Это была борьба против повстанцев за сердца и умы населения, мягкая сила – называйте, как хотите»⁹. Проект обошелся американскому налогоплательщику более чем в 63 млрд долл., но, как «выяснила правительственная инспекция, усилия были сведены на нет огромным количеством бессмысленных трат, неэффективностью, управленческими ошибками, неверным выбором направлений и уязвимостью структуры»¹⁰. Реальным результатом такой «демократизации» Ирака стала продолжающаяся по сей день кровопролитная гражданская война, социально-политическая и социально-экономическая нестабильность.

Своеобразным примером использования soft power для подготовки «цветной» революции стали события на Украине.

Темы сталинского «голодомора», поиски примеров «колониального угнетения» Украины со стороны России культивировались и поддерживались с помощью выделения западных грантов на научные исследования по данной проблематике и зарубежные поездки студентов, аспирантов и преподавателей украинских вузов. Огромное количество разнообразных западноевропейских НКО активно работали на территории Украины на протяжении всего постсоветского периода.

Характерное для стратегии soft power пространство либерально-демократических ценностей среди украинского населения сопровождалось разжиганием националистических настроений, направленных против России, против общих культурных и религиозных корней, против многовекового братства славянских народов, скрепленного и освященного участием в кровопролитных войнах по защите единого Отечества. Вместо этого стал культивироваться и героизироваться образ борцов за украинскую самостоятельность и исторические эпизоды борьбы против России. Наиболее одиозным образом героя независимой Украины стал фашистский пособник С. Бандера и возглавляемое им движение ОУН.

В результате украинское общество оказалось расколотым не только географически, но и идейно. На Западе преобладают те, кто ориентирован на вхождение в Европейский союз и тесную политическую, экономическую, военную и культурную интеграцию с Западной Европой. На востоке и юго-востоке преобладают сторонники тесного сотрудничества с Россией в рамках Таможенного союза и сохранения всесторонних братских связей во всех сферах общественной жизни.

Первый опыт «цветной» революции в его «оранжевом» варианте был реализован в период с ноября 2004 г. по январь 2005 г. и представлял собой постоянно действующий митинг и палаточный лагерь на Майдане в знак протеста сторонников В. Ющенко против победы В. Януковича на выборах Президента Украины. Главным инструментом проявления политики «мягкой силы» стала моральная и информационная поддержка протестующих со стороны США и Евросоюза, заявлявших, что их наблюдатели выявили многочисленные нарушения в ходе выборов. Это стало главным стимулирующим фактором протестного движения, которое привело в конце концов к тому, что Верховный суд Украины отменил результаты выборов и обязал провести повторный тур голосования, на котором В. Ющенко одержал победу с перевесом в 8%.

Однако политика прозападного Президента Украины не получила поддержки и уже на следующих выборах победу одержал В. Янукович. Его легитимность не подвергали сомнению даже США и их союзники. Тем не менее после того как украинский президент временно отложил в ноябре 2013 г. подписание соглашения об ассоциации с ЕС (ввиду того, что Президент РФ, используя «мягкую силу», предложил программу выгодного экономического партнерства), в Киеве вновь начались митинги протеста против политики Януковича. С течением времени радикализм оппозиционных требований нарастал, и главной ударной силой Майдана стали хорошо организованные националистические силы «Правого сектора» и движения «Свобода». Протестующие получили полную информационную и моральную поддержку со стороны Европейского союза и США. На Майдане побывали видные официальные представители западноевропейских стран, которые открыто призывали украинскую оппозицию вести «демократическую» борьбу до победного конца. Среди них – американские сенаторы Джон Маккейн и Крис Мерфи, заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд и посол США в Украине Джеффри Пайетт, спикер литовского Сейма Лорета Граужинене, комиссар ЕС по внешней политике Кэтрин Эштон, главы внешнеполитических ведомств Канады и Германии Джон Бэрд и Гидо Вестервелле, экс-премьер Польши Ярослав Качиньский, а также экс-президент Грузии Михаил Саакашвили. Виктория Нуланд, например, раздавала печенье на Майдане, символически подчеркивая мирный характер демонстрации.

Фактически это стало грубейшим нарушением норм международного права и открытым вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Именно США и их союзники открыто угрожали Януковичу в случае силового варианта разгона «мирных» демонстрантов, которые в это время уже демонстрировали всему миру активное использование «коктейлей Молотова» против безоружных сил правопорядка.

Проявление двойных стандартов в оценке происходящего было и остается очевидными. Например, во Франции, Германии, США, Канаде законодательно закреплен запрет на ношение на демонстрациях шлемов, щитов, масок. Нарушение этого требования влечет за собой серьезные последствия для митингующих. Но их повсеместное использование на Майдане не вызвало никаких негативных оценок со стороны западных правозащитников. Насильственный захват власти сторонниками евроинтеграции был официально признан как легитимный по причине того, что, по мнению западных наблюдателей, на Майдане были представлены «все» регионы Украины, а следовательно, «весь» украинский народ. Вопросов о том, кто и каким образом уполномочил двух-трех человек в палатке с надписью «Симферополь» представлять интересы всего населения Крыма или в палатке с надписью «Донецк» – все население Донецкой области – у западных правозащитников не возникало. Не возникало их и в отношении ярых националистов, деятельность которых против законных представителей власти Украины носила явно экстремистский характер.

На наш взгляд, концепт *soft power* не представляет с теоретической точки зрения ничего принципиально нового и не является самодостаточным, выступая лишь одним из известных и взаимосвязанных инструментов внутренней и особенно внешней политики ведущих мировых держав.

С точки зрения особенностей его использования во внутренней политике, данный концепт всесторонне раскрывается через современные теории демократии, социального и правового государства. Не последнюю роль в их формировании сыграл мотивирующий внешний фактор в виде наличия альтернативной модели общественно-политического и социально-экономического устройства в СССР. Данный фактор вынуждал усиливать регулируемую роль государства в устранении противоречий капиталистической системы и делать акцент на «мягкой силе» для разрешения возникающих внутренних конфликтов.

В то же время, с инструментальной точки зрения, концепт *soft power* действительно приобрел в последние десятилетия принципиально новые возможности во внешней политике. Это обусловлено двумя ключевыми предпосылками. Первая состоит в том, что после разрушения СССР США осознали себя доминирующей силой в однополярном мире, уверовали в свое моральное превосходство в качестве единственного лидера и в свое право в качестве демократии навязывать свои ценности и представления о социально-политическом прогрессе всему остальному миру. Этому способствовала вторая предпосылка, связанная с появлением революционных технологических возможностей ком-

муникации, фактически не ограниченных границами суверенных государств. Они позволяют значительно расширить возможности ведущих держав в манипулировании массовым сознанием и целенаправленном формировании общественного мнения в различных странах для достижения своих целей.

Процессы глобализации стали главным инструментом политики *soft power*, которые взламывают политическую, экономическую, культурную, правовую самодостаточность национальных государств, превращая их в определенным образом структурированное мировое пространство. Характер и конфигурация этого конструируемого единого глобального проекта в значительной степени определяется США на основе их понимания своих национальных интересов. В соответствии с ним все национальные государства делятся, с одной стороны, на ранжированных союзников и друзей США, а с другой – на противников и «изгоев», несущих различные степени угрозы американским интересам. Критерии демократичности государств для данной классификации используются, но не абсолютизируются. Поэтому Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт – это друзья (несмотря на полное отсутствие в этих государствах демократических начал), а Иран, Сирия (Ирак при С. Хуссейне, Ливия при М. Каддафи) – это враги, несущие «угрозу демократии» для всего мира.

В соответствии с такой стратегией и используется политика *soft power*, позволяющая создавать внутренние предпосылки для свержения неугодных правительств и прихода к власти политических сил, следующих в фарватере политики США и их союзников. Внимательный анализ американской внешней политики по отношению к России на протяжении всего постсоветского периода позволяет констатировать, что основной ее смысл сводится к максимальному ослаблению российского государства как мировой державы и отторжению бывших советских республик из сферы российского влияния. Одним из главных инструментов реализации американской стратегии и выступает концепт «мягкой силы». Как представляется, для успешной ее нейтрализации России объективно необходимо, прежде всего, укрепление обороноспособности своей страны. Но этого будет недостаточно, если Россия не сумеет предложить собственный вариант «мягкой силы», основанный на своем варианте мегапроекта, понятном и привлекательном для всех народов евразийского пространства.

Однако решение данной задачи имеет ряд объективных и субъективных препятствий. Первое обусловлено тем, что после разрушения СССР Россия заявила о своей приверженности общедемократическим либеральным ценностям и тем самым утратила идеологическую уникальность, которая в предшествующий период позволила создать мировую систему социализма.

Можно по-разному оценивать неоднозначные способы, которые использовались для расширения социалистической системы, но вряд ли кто будет оспаривать удивительную привлекательность и притягательность коммунистических идей, представлявших собой реальную альтернативу капиталистическому устройству. Обусловлено это было тем, что социалистический мегапроект вообрал в себя многовековые мечты угнетенных и являл собой образ максимального воплощения реального равенства, социальной справедливости и социального прогресса.

Радикальный отказ от социалистического мегапроекта, по замыслу либеральных реформаторов, должен был вернуть Россию в семью цивилизованных демократических государств. Однако такое желание одновременно означало признание со стороны команды Ельцина превращения России из мировой державы в «новопришельца», которому еще нужно было учиться демократии и доказывать свое право на достойное место в западноевропейском сообществе.

Сама процедура разрушения СССР была проведена таким образом, что ни в малейшей степени не соответствовала прописанным конституционным нормам. В рамках этой процедуры даже формально было проигнорировано мнение многих народов, входивших в состав СССР. Бывшие советские республики фактически получили «октроированную» свободу, дарованную им «старшими» братьями по союзу в ходе подписания Беловежского соглашения. Тем самым процессы самостоятельного политического развития на территории евразийского пространства были пущены на самотек и во многих бывших советских республиках привели к формированию авторитарно-диктаторских режимов с клановой системой управления.

Расчеты на то, что Россия сумеет удержать бывшие братские республики в сфере своего политического влияния благодаря развитию новых «демократических» отношений (на основе политики *soft power*), не оправдались по многим причинам. Главная заключалась в том, что процессы радикальных либерально-демократических преобразований в самой России были настолько негативны по своим результатам, что не могли быть использованы в качестве образца не только для мегапроекта мирового уровня, но и в качестве основы евразийской региональной модели для бывших народов СССР. Резкое снижение уровня жизни большинства населения, грабительская приватизация, радикальное ухудшение социально-экономических показателей, резкая поляризация и социальный раскол, социокультурная и моральная деградация российского общества не могли стать реальной притягательной силой на постсоветском пространстве 1990-е гг. В массовое сознание активно внедрялся негативный образ России как «Верхней Волты с баллистическими ракетами». Процессы приватизации и

внедрение рыночных отношений разрывали единую ткань бывшего народного хозяйства СССР и еще более усугубляли социально-экономическую ситуацию в независимых государствах.

Институционализация новых независимых государств сопровождалась тем, что политическая элита многих из них стала использовать националистическую идеологию с целью консолидации своих сограждан. Одним из элементов такой идеологии стала антироссийская риторика, основанная на «разоблачении» имперской политики в отношении бывших советских республик. Этому способствовало активное продвижение на постсоветском пространстве интересов США, Китая и других ведущих мировых держав, которые были заинтересованы в ослаблении позиций России. Причем следует отметить, что политика Китая в использовании «мягкой силы» стратегически более выигрышна, так как основывается на значительных инвестициях без их обусловленности состоянием прав человека в данных государствах. В ее основе лежит внешнеполитическая доктрина «мирного возвышения Китая» и концепция гармоничного мира, публично озвученные руководством КНР в 2003–2005 гг.¹¹ Ключевое преимущество Китая в использовании soft power по сравнению с США состоит в том, что КНР на практике в большинстве случаев в своей внешней политике демонстрирует отказ от силового давления и приверженность к взаимовыгодному экономическому и культурному сотрудничеству.

Стратегию использования «мягкой силы» в имидже России условно можно разделить на два вектора. Первый состоял в том, чтобы сформировать в западноевропейских странах образ демократической России, которая зафиксировала в своей Конституции основные ценности и принципы демократии и последовательно реализует их в своей внутренней и внешней политике. Эта задача особенно активно реализовывалась в 1990-е гг., когда Б. Н. Ельцин стремился доказать приверженность демократии во внутренней и особенно внешней политике тем, что фактически поддерживал все инициативы США и их союзников, без учета своих национальных интересов. В результате беспрепятственно произошло расширение НАТО на восток, включая Прибалтику (несмотря на то, что в момент объединения Германий натовское руководство публично давало гарантии против такого расширения). Россия значительно снизила свой военный потенциал, свернула многие программы перевооружения, фактически поддержала агрессию НАТО против Югославии, отказалась от своих обязательств в отношении поставок вооружений бывшим союзникам в Ираке и Ливии, отказалась от сотрудничества с Кубой и многое другое. Однако «экзамен» на соответствие демократии был «сдан» не полностью. С одной стороны, Запад положительно оценил проведенные по его калькам либераль-

но-демократические преобразования, поддержав кандидатуру Ельцина на выборах 1996 г. (учитывая аргументацию о возможности возвращения к власти коммунистов). С другой стороны, Россия, несмотря на значительные уступки, так и не смогла завоевать доверия США и их союзников. Ее преимущественно негативный имидж в западноевропейских странах определялся доминированием в информационном пространстве критики войны в Чечне, недостаточно последовательно проведенной приватизации и гипертрофированной социальной и регулирующей роли государства, авторитарных тенденций и многих других «отклонений» от рекомендованной западными консультантами программы либеральных преобразований.

Политика стабилизации социально-экономической ситуации и укрепления позиций Российского государства в 2000-е гг. встретила резкое противодействие США и их союзников, которые увидели в этом возрождение авторитарных начал и имперских амбиций России. Негативный имидж России в этот период определялся в значительной степени «делом Юкоса», а впоследствии раздутым до международных масштабов скандалом вокруг панк-группы Pussy Riot. Укрепление «вертикали власти», укрупнение российской партийной системы и использование административного ресурса на выборах различных уровней позиционировалось в западных СМИ как отступление России от демократических рубежей 1990-х гг. Однако усиление экономического и военного потенциала России в 2000-е гг., ее самостоятельная позиция по многим международным ситуациям позволили изменить ее восприятие в мире в статусе «демократического ученика», идущего в фарватере американской политики, и вернуть имидж одного из ведущих субъектов мировой политики, с которым вынуждены считаться при решении важнейших международных вопросов. Наивысшего уровня такой имиджевый потенциал был набран в 2013 г., когда по инициативе России была достигнута договоренность об уничтожении арсеналов химического оружия в Сирии.

Второй вектор использования «мягкой силы» в имидже России фактически был обусловлен усилением экономического и политического потенциала России в 2000-е гг. и должен был опираться на результативность и привлекательность ее развития в указанный период. Для реализации данного направления в 2007 г. Президентом России была одобрена «Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию». Ее основными целями были обозначены следующие приоритеты:

«– воздействие на общемировые процессы для формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных нормах международного права и партнерских отношениях между государствами;

- ликвидация бедности и обеспечение устойчивого экономического развития в развивающихся странах и странах, переживших вооруженные конфликты;

- преодоление последствий гуманитарных, природных, экологических техногенных катастроф, а также других чрезвычайных ситуаций;

- содействие процессам демократизации в странах-получателях помощи, а также процессам построения рыночно ориентированной экономики и соблюдению прав человека;

- развитие политических, экономических, общественных, культурных, научных связей, а также связей в сфере образования с зарубежными странами и межгосударственными объединениями;

- формирование добрососедских отношений с государствами, расположенными по периметру российских границ, противодействие возникновению и содействие устранению очагов напряженности и конфликтов, источников незаконного оборота наркотиков, международного терроризма и преступности, прежде всего в прилегающих к Российской Федерации регионах;

- развитие торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации со странами-партнерами;

- стимулирование процессов интеграции национальных рынков стран-получателей с российскими рынками капитала, товаров, услуг и рабочей силы;

- укрепление авторитета Российской Федерации и содействие объективному восприятию нашего государства в мировом сообществе¹².

На эти цели ежегодно выделялось примерно полмиллиарда долларов, из которых около трети предназначались для стран «Восточной Европы и Центральной Азии», или в основном для постсоветского пространства¹³. По мнению аналитика ИНСОП С. Кулика, среди главных официальных установок в реализации «мягкой силы» нужно отметить следующие: «...доведение смысла и динамики демократического возрождения страны до широких кругов зарубежной общественности; проведение эффективных информационных кампаний там, где появляются реальные вызовы для России; активизация усилий по противодействию антироссийским стереотипам; формирование системы мер на государственном и неправительственном уровнях для улучшения образа страны; создание и расширение сети зарубежных информационных площадок...»¹⁴.

С очередным избранием В. В. Путина Президентом РФ в 2012 г. российская политика soft power стала встречать жесткое информационное противодействие западных СМИ. Конфликт вокруг ареста команды Arctic Sunrise и гринписовцев, совершивших акцию против буровой платформы «Приразломная» в Печерском море, а также вокруг истории с так называемым законом Димы Яковлева стали одними из ключевых на-

правлений формирования контримиджа России.

События на Украине и воссоединение Крыма с Россией, с одной стороны, еще более укрепили силовую составляющую в имидже России на мировой арене, подтвердив ее возрождение в качестве великой державы. С другой стороны, бескровное решение о вхождении Крыма в состав России на основе референдума было представлено мировому сообществу, как «ничем не спровоцированная» агрессия и экспансия. Застрельщиком международной изоляции России путем введения санкций выступают США, которые тем самым стремятся укрепить свои ослабевшие позиции в отношениях с ЕС и ограничить европейское сообщество в развитии взаимовыгодного сотрудничества с Россией.

Таким образом, использование «мягкой силы» в качестве элемента имиджевых технологий выступает важнейшим инструментом внутренней и внешней политики. Расширение функциональности и результативности soft power обусловлено, прежде всего, информационной революцией и радикально возросшими технологическими возможностями информационно-коммуникационного воздействия на население разных стран, целенаправленного формирования общественного мнения по различным вопросам. Кроме того, процессы глобализации формально основываются на принципах демократии, что предопределяет приоритет использования «мягкой силы» во внешней политике для формирования положительного имиджа ведущих держав мира и усиления привлекательности продвигаемой ими для других стран модели общественно-политического и социально-экономического устройства. Одновременно политика soft power неразрывно связана также с демонстрацией могущества ведущих держав и их экономического и военного потенциала в международных отношениях (вплоть до практического его применения в случае реальной или мнимой угрозы национальным интересам).

Такой вариативный синтез «мягкой» и «жесткой» силы лежит в основе современных международных отношений и определяет характер конкуренции ведущих политических сил на мировой арене. После поражения СССР и восточного блока в холодной войне США попытались установить систему однополярного мира, управляемого и контролируемого из одного центра. Однако такая политика, лежащая в основе процессов глобализации, получила противодействие не только со стороны России, не желавшей смириться с утратой статуса мировой державы, но и со стороны новых держав в лице Китая, Индии, Бразилии, ЮАР и других быстро развивающих свой потенциал стран.

Последние события на Украине и в Крыму показали, что Россия продемонстрировала «красную черту», которую перешли США и их союзники в ущемлении российских националь-

ных интересов. Россия дала понять всему миру, что использование американцами политики «мягкой силы» для продвижения своих интересов на ближайшей периферии России имеет свои пределы, которые будут встречать жесткое противодействие, вплоть до применения военной силы.

Как представляется, обострение отношений должно подтолкнуть Россию не только к укреплению своего военного потенциала, но и к извлечению урока в выстраивании отношений на евразийском пространстве с бывшими союзными республиками на основе более конкурентоспособной политики «мягкой силы». Тем более что нарастающие миграционные потоки в Россию свидетельствуют о том, что накопленный за период совместного проживания в едином государстве (даже с учетом накопившихся исторических обид и противоречий) потенциал российской привлекательности и притягательности для бывших союзных республик используется далеко не в полную силу.

Примечания

- 1 См.: *Най Дж. С.* Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. N.Y.: Паблик афферз, 2004.
- 2 *Русакова О. Ф.* Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 174.
- 3 *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 90.
- 4 *Паршин П.* Проблематика «мягкой силы» во внешней

политике России. Аналитические доклады. Вып. 1 (36). Март. М.: МГИМО – Университет, 2013. С. 17.

- 5 См.: *Гукасов А. В.* «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вест. Ин-та стратегических исследований. Вып. 1 : «Конфликты – безопасность – геополитика : стратегический анализ современного мирового развития». URL: http://www.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v1/Gusakov_A_V.pdf (дата обращения: 05.04.2014).
- 6 *Новоселов С. В.* «Мягкая сила» информационного общества // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 128.
- 7 *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 3/4. С. 46.
- 8 *Князева М. И., Фадеева Н. И., Холкин И. Н.* Информационное пространство социокультурной идентичности. URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (дата обращения: 05.04.2014).
- 9 «Мы хотели как лучше». Питер ван Бурен: Как я помог проиграть войну за сердца и умы иракского народа. URL: <http://inosmi.ru/world/20120610/193397549.html> (дата обращения: 22.04.2014).
- 10 Там же.
- 11 См.: *Соловьева Е. В.* «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 85–96.
- 12 Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/571FEF3D5281FE45C32573050023894F (дата обращения: 22.04.2014).
- 13 *Кулик С.* Содействие международному развитию и «мягкая сила» // Тенденции. Альманах Института современного развития 2012–2013. М., декабрь 2013. С. 30.
- 14 *Кулик С.* Репутация России за рубежом и частно-государственное партнерство // Там же. С. 32.

УДК 329.059470+571

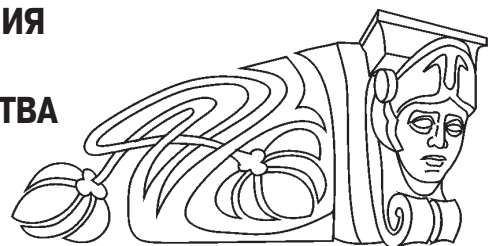
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПЛЮРАЛИЗМА ПАРТИЙНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. И. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье речь идет о важнейших теоретико-методологических основах анализа партийно-идеологического пространства современной России и обосновании необходимости их совершенствования в связи с учетом общемировых тенденций развития идеологий и их политической функциональности, а также новых внутренних обстоятельств, появившихся в результате плюрализации российской многопартийности последних лет.

Ключевые слова: теория политических партий, теория политических идеологий, методологические основы анализа, партийно-

идеологическое пространство, функциональность политических партий, функциональность политических идеологий.

Theoretical and Methodological Bases of Analysis of Party and Ideological Space's Pluralism in Modern Russia

V. I. Golovchenko

The article is about main theoretical and methodological principles of analysis of party and ideological space of contemporary Russia. It is also about necessity of these principles' improvement taking into account world tendencies of ideology development, political